

Темирханова О.В.

Субъективный опыт и поведенческие критерии идентификации
навязчивого преследования (сталкинга)

Temirkhanova O.V.

Subjective Experience and Behavioral Criteria
for the Identification of Stalking

Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Актуальность. Навязчивое преследование (сталкинг) относится к формам психологического насилия, однако в отечественной психологической науке сохраняется дефицит эмпирических исследований, которые одновременно учитывали бы субъективный опыт жертв и объективные критерии идентификации преследовательского поведения. Отсутствие такой интеграции затрудняет диагностику сталкинга, его распознавание самими жертвами и разработку эффективных мер психологической помощи.

Цель исследования – изучение у женщин пережитого ими опыта навязчивого преследования с учетом их субъективной оценки, а также объективных поведенческих критериев сталкинга.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось в 2024 году. В выборку вошли 102 женщины, проживающие в России и имеющие опыт навязчивого преследования. Сбор данных осуществлялся с использованием анкеты, разработанной на основе поведенческого подхода к эмпирической конкретизации сталкинга, принятого в международных исследованиях. Опросник включал критерии формальной идентификации навязчивого преследования, а также блоки, направленные на анализ эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций участников.

Результаты исследования зафиксировали высокую распространенность поведенческих паттернов преследования, в том числе, навязчивые попытки контакта, принуждение к общению и физическую слежку. Установлено значимое расхождение между субъективной оценкой участниками собственного опыта и отнесением к группе жертв сталкинга по объективным критериям. В эмоциональном отклике преобладали негативные реакции, сопровождающиеся высоким уровнем когнитивного напряжения, неопределенностью и поиском способов защиты. Поведенческие реакции варьировались от обращения за социальной помощью до изменения повседневного уклада жизни.

Выводы. Полученные факты подчеркивают феноменологическую сложность восприятия и осмысления опыта навязчивого преследования и указывают на необходимость комплексного подхода к диагностике и помощи по-

страдавшим, включая как объективные поведенческие индикаторы насилия, так и субъективные механизмы его восприятия и интерпретации.

Ключевые слова: навязчивое преследование (stalking), психологическое насилие, эмоциональное насилие, межличностные отношения, восприятие навязчивого преследования, когнитивная оценка угрозы, переживание навязчивого преследования

Для цитирования: Темирханова, О.В. Субъективный опыт и поведенческие критерии идентификации навязчивого преследования (сталкинга) // Новые психологические исследования. 2026. № 3. С. 248–265. DOI: 10.51217/npysyresearch_2026_06_03_13

Введение

Психологическое (эмоциональное) насилие в межличностных отношениях рассматривается в научной литературе как форма воздействия, направленная на причинение вреда, установление контроля, ограничение автономии другого человека. В отличие от эпизодических конфликтов, психологическое насилие характеризуется повторяемостью, устойчивостью поведенческих паттернов и выраженной асимметрией власти между участниками взаимодействия. Подобные формы насилия проявляются в различных типах отношений, включая семейные, партнерские и профессиональные.

Ключевыми характеристиками психологического насилия в разных концептуальных подходах выступают повторяющиеся модели поведения, нацеленные на подчинение, контроль и умышленное причинение эмоционального вреда, а также их выраженные негативные последствия для психического здоровья, включая тревожные и депрессивные состояния, симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и нарушения самооценки (Almendros et al., 2009, Verrocchio, 2014; Dokkedahl et al., 2022; Huang et al., 2024).

Существенной особенностью психологического насилия остается сложность его распознавания и эмпирической конкретизации. Отсутствие единых диагностических критериев, а также вариативность поведенческих проявлений затрудняют как эмпирическое исследование данного феномена, так и субъективную идентификацию насильственного опыта жертв (Pérez-Díaz et al., 2025). В ряде случаев насильственные действия интерпретируются как социально допустимые формы взаимодействия или объясняются контекстом отношений, что снижает вероятность общественного вмешательства и способствует нормализации психологического насилия (Cinquegrana et al., 2023).

Одной из форм психологического насилия, в которой данные особенности проявляются наиболее отчетливо, является навязчивое преследование (сталкинг). В международных исследованиях сталкинг описывается как совокупность повторяющихся и нежелательных действий, направленных на установление или поддержание контакта вопреки воле другого лица, сопровождающихся дистрессом и нарушением социального функционирования последнего. (Gamache et al., 2022; Parkhill et al., 2022; Janickyj et al., 2025).

Особую роль в распознавании и совладании со сталкингом играет субъективная оценка происходящего, которая во многом определяет воспринимаемую степень угрозы и способы реагирования, включая готовность обращаться за помощью. Недостаточное осознание ситуации преследования как насилия, нередко ввиду неосведомленности, социальной стигматизации роли жертвы, действия психологических защитных механизмов, может приводить к отрицанию угрозы и снижению вероятности продуктивного реагирования. В результате сталкинг часто остается «невидимым» насилием, как для самих жертв, так и для их социального окружения и общества в целом.

Методы

Исследование проводилось в 2024 году и имело количественно-описательный характер с элементами феноменологически ориентированного подхода. Методологическая стратегия была направлена на изучение сталкинга как формы насилия и агрессивного поведения в межличностных отношениях, для которой характерны повторяемость, навязчивость и нарушение привычного образа жизни жертвы.

В условиях отсутствия юридической и диагностической унификации понятия сталкинга в российском контексте исследование основывалось на его психологическом понимании на двух уровнях: поведенческом (через описание устойчивых форм преследующего поведения) и феноменологическом – путем анализа эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций, а также самовосприятия пострадавших в качестве жертв.

Методика исследования при этом была выстроена в рамках поведенческого подхода к анализу сталкинга, принятого в международных эмпирических исследованиях. Данный подход получил развитие, в частности, в исследованиях с использованием опросника *Stalking: Perceptions and Prevalence Questionnaire* (SIPPQ), разработанного Шеридан, Дэвис и Бун и широко применяемого в межкультурных исследованиях сталкинга (Sheridan et al., 2001). В настоящем исследовании опро-

сник SIPPQ как диагностический инструмент не применялся. Но его теоретико-методологическая логика была положена в основу выбора поведенческого способа идентификации stalking, предлагающего описание преследования через совокупность повторяющихся и нежелательных форм поведения. (Как метод SIPPQ был признан нецелесообразным, поскольку он направлен преимущественно на изучение нормативных представлений о допустимости навязчивого поведения и оценку его распространенности, а также не имел адаптированной версии для русскоязычной выборки.)

Для эмпирической идентификации навязчивого преследования в работе использовался перечень из 15 форм преследующего поведения, которые отражают поведенческое ядро данного феномена. Этот перечень Спитцберг и Купач выделили на основе мета-анализа научной литературы, посвященной исследованиям stalking (Spitzberg, Cusack, 2007). Позднее его применяли в других международных работах, в том числе, в исследовании Чан и др. (Chan et al., 2020).

Отнесение участника к группе жертв stalking осуществлялось при наличии любого сочетания 15 форм преследующего поведения, повторяющегося не менее 10 раз в течение, как минимум, двух недель. Такой подход опирался на выводы Пате и соавт., предложивших порог повторяемости в 10 эпизодов, а также данные Пёрселл и др., указавших двухнедельный временной интервал как минимальный срок, когда вторжения начинают восприниматься как значимая психологическая проблема (Pathé et al., 2000; Purcell et al., 2004). В работе 10 повторений определяли следующим образом: 10 или более случаев с частотой «от 1 до 4 раз», и/или два или более случая с частотой «5 и более раз», и/или комбинация из пяти или более случаев с частотой «от 1 до 4 раз», и один или более случаев с частотой «5 и более раз».

Участники исследования

Сбор данных осуществлялся с использованием Google-формы, которая распространялась через социальные сети, форумы, группы поддержки и личные каналы. В опросе приняли участие 137 человек; 35 респондентов были исключены в связи с несоответствием критериям включения (возраст до 18 лет, отсутствие опыта преследования, проживание вне РФ). Итоговую выборку составили 102 женщины в возрасте от 18 до 63 лет ($M = 37,35$; $SD = 10,57$), проживающие в РФ. В структуре выборки преобладали женщины, не состоящие в браке. Большинство из них имели высшее образование. Все участники дали добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Методики

В исследовании использовалась анкета, разработанная для выявления признаков stalking, анализа эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций пострадавших, а также для оценки их субъективной самоидентификации.

Анкета состояла из трех разделов.

Первый раздел включал социально-демографические характеристики участников (возраст, пол, семейное положение, уровень образования и продолжительность проживания на территории РФ). Также участникам задавался вопрос о наличии опыта навязчивого преследования со стороны одного конкретного лица.

Во втором разделе респондентам предлагалось сосредоточиться на наиболее негативном эпизоде stalking, совершенном одним конкретным преследователем. После этого они оценивали частоту столкновения с каждой из 15 форм преследующего поведения, выбирая один из вариантов ответа: «никогда», «от 1 до 4 раз», «5 и более раз».

Третий раздел содержал вопросы о продолжительности преследования и давности произошедшего события. Затем участники отмечали эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции на пережитый опыт. Они могли выбрать несколько вариантов ответа или дополнить перечень собственными формулировками. Перечень реакций был сформирован на основе исследований, которые показывали, что жертвы stalking могут испытывать широкий спектр эмоциональных и когнитивных переживаний и вести себя по-разному в зависимости от контекста и характера преследования (Kraaij, 2007; Logan, Landhuis, 2023; Storey et al., 2023). Далее уточнялась демографическая информация о преследователе (пол и статус по отношению к респонденту).

В заключительной части анкеты участники указывали, считают ли они себя жертвами stalking, что позволило сопоставить объективные поведенческие критерии с субъективным восприятием пережитого опыта навязчивого преследования.

Результаты

Оценка частоты негативного опыта stalking

В среднем в исследуемой выборке зафиксировано столкновение с восемью из 15 форм навязчивого преследования ($M = 8$; $SD = 3,30$; $\min = 2$; $\max = 15$), что указывает на множество преследовательских паттернов в индивидуальном опыте испытуемых. Обобщенные данные о частоте различных форм stalking представлены в табл. 1.

Наиболее распространенными формами преследования, с которыми сталкивались респонденты (5 и более раз), являлись чрезмерные попытки контакта (звонки, сообщения, непрощенные подарки), признания в любви и принуждение к разговорам. Реже, но регулярно, в опыте респондентов присутствовали систематические электронные контакты и слежка, включая фото- и видеосъемку без согласия самой женщины.

Небольшая часть женщин указала на пережитый опыт физического и/или сексуализированного насилия в контексте stalking. Реже всего отмечались угрозы и причинение вреда близким людям или имуществу.

В целом, данные свидетельствуют о доминировании психологического и эмоционального вторжения в личное пространство жертвы со стороны преследователя. Вместе с тем, у одной пятой доли участниц общей выборки были зафиксированы повторяющиеся эпизоды прямого физического и/или опосредованного физического насилия, что подчеркивает потенциальную опасность эскалации преследовательского поведения. Полученные результаты не только согласуются с международными о типичных поведенческих паттернах stalking (Зипельмайер, 2020; Storey, 2023), но и подтверждают, что навязчивое преследование может представлять серьезную угрозу безопасности как самой жертвы, так и ее окружения, и отражают универсальные характеристики данного феномена (Sheridan, 2016).

Таблица 1. Распределение частоты негативного опыта stalking (N = 102)

		от 1 до 4 раз	5 и более раз
		N (%)	N (%)
1	Чрезмерные попытки связи (звонки, голосовые и текстовые сообщения, подарки или письма)	21 (20,6)	68 (66,7)
2	Электронные письма, сообщения в социальных сетях (VK, Telegram и т.п.)	21 (20,6)	58 (56,9)
3	Незаконное проникновение (дом, машина и пр.) с целью демонстрации присутствия	21 (20,6)	12 (11,8)
4	Вандализм, причинение вреда имуществу	29 (28,4)	6 (5,9)
5	Слежка (фото- и видеосъемка без согласия)	34 (33,3)	34 (33,3)
6	Намерение разрушить репутацию (публикация, угрозы публикации личных фотографий, видео, ложь)	33 (32,4)	17 (16,7)

7	Угрозы причинения боли	31 (30,4)	25 (24,5)
8	Угрозы причинения боли близким людям	21 (20,6)	4 (3,9)
9	Причинение боли близким людям	9 (8,8)	3 (2,9)
10	Физическое и/или сексуализированное насилие	28 (27,5)	10 (9,8)
11	Причинение вреда себе с целью манипуляции	40 (39,2)	12 (11,8)
12	Преследование других людей в целях сбора или распространения информации	46 (45,1)	25 (24,5)
13	Принуждение к разговорам	29 (28,4)	57 (55,9)
14	Признания в любви	23 (22,5)	60 (58,8)
15	Попытки убедить других людей совершить любое из 14 вышеописанных паттернов поведения вместо себя	29 (28,4)	15 (14,7)

Оценка распределения продолжительности негативного опыта stalking

Анализ данных показал, что при длительном преследовании (более года) наиболее частыми формами преследующего поведения были: принуждение к разговорам, чрезмерные попытки связи, преследование других людей с целью сбора или распространения информации, признания в любви и слежка (см. табл. 2). Указанные поведенческие паттерны типичны для stalking, поскольку отражают настойчивое стремление преследователя установить и удержать контакт с жертвой. Подобные действия часто воспринимаются как социально приемлемые, например, в период ухаживания, что затрудняет их идентификацию как насилия. Такая двусмысленность влияет не только на восприятие ситуации окружающими, но и на восприятие самих пострадавших, снижая их способность своевременно распознать угрозу и предпринять адекватные защитные действия. Именно эта неопределенность делает stalking «невидимым» и опасным видом насилия.

В полученных данных выявлена неоднородность распределения опыта stalking по его продолжительности. Наиболее представленными оказались группы респондентов с относительно кратковременным опытом (от 2 недель до 6 месяцев) и с длительным опытом преследования (более года), тогда как промежуточный временной интервал был представлен существенно реже. Данная особенность распределения может объясняться тем, что люди, чей опыт stalking относительно короткий, активно ищут ресурсы помощи и охотнее принимают участие в подобных исследованиях, так как переживания воспринимаются наиболее остро. В то же время длительное преследование субъективно может восприниматься как хроническое вторжение. Эта группа также активно включается в

исследование, так как продолжительное преследование имеет явные негативные последствия, вынуждая людей постоянно искать новые способы преодоления дистресса.

Таблица 2. Распределение продолжительности негативного опыта stalking (N = 102)

		< 2 недель, N = 7	от 2 недель до 6 месяцев, N = 43	> 6 меся- цев, N = 12	> года, N = 40
		N (%)	N (%)	N (%)	N (%)
1	Чрезмерные попытки связи (звонки, голосовые и текстовые сообщения, подарки или письма)	6 (5,88)	39 (38,24)	12 (11,76)	32 (31,37)
2	Электронные письма, сообщения в социальных сетях	4 (3,92)	36 (35,29)	11 (10,78)	28 (27,45)
3	Незаконное проникновение (дом, машина и пр.) с целью демонстрации присутствия	1 (0,98)	12 (11,76)	5 (4,90)	15 (14,71)
4	Вандализм, причинение вреда питомцу	0 (0,00)	14 (13,73)	6 (5,88)	15 (14,71)
5	Слежка (фото- и видеосъемка без согласия)	4 (3,92)	26 (25,49)	9 (8,82)	29 (28,43)
6	Намерение разрушить репутацию (публикация, угрозы публикации личных фотографий, видео, ложь)	2 (1,96)	22 (21,57)	5 (4,90)	21 (20,59)
7	Угрозы причинения боли	3 (2,94)	25 (24,51)	6 (5,88)	22 (21,57)
8	Угрозы причинения боли близким людям	0 (0,00)	14 (13,73)	3 (2,94)	8 (7,84)
9	Причинение боли близким людям	0 (0,00)	5 (4,90)	1 (0,98)	6 (5,88)
10	Физическое и/или сексуализированное насилие	4 (3,92)	14 (13,73)	4 (3,92)	16 (15,69)
11	Причинение вреда себе с целью манипуляции	3 (2,94)	21 (20,59)	8 (7,84)	20 (19,61)
12	Преследование других людей в целях сбора или распространения информации	1 (0,98)	29 (28,43)	10 (9,80)	31 (30,39)
13	Принуждение к разговорам	6 (5,88)	36 (35,29)	11 (10,78)	33 (32,35)
14	Признания в любви	5 (4,90)	36 (35,29)	11 (10,78)	31 (30,39)
15	Попытки убедить других людей совершить любое из 14 паттернов поведения вместо себя	0 (0,00)	18 (17,65)	8 (7,84)	18 (17,65)

Оценка эмоциональных реакций на переживание опыта stalking

Обнаружено, что у большинства испытуемых переживаемый опыт stalking сопровождался выраженными негативными эмоциями. Наиболее часто участницы отмечали раздражение (73,5%), тревогу (71,6%), беспомощность (63,7%), страх (63,7%), гнев (57,8%) и бессилие (52,9%). Эти эмоции являются естественными реакциями на воспринимаемую угрозу и свидетельствуют о высоком уровне психологической напряженности.

Помимо этого, значительная часть респондентов переживала отчаяние (48%), стыд (39%), вину (28%) и обиду (24,5%), что может отражать социальную стигматизацию жертв, которая часто препятствует своевременному обращению за помощью. Полученные факты согласуются с результатами современных исследований, указывающих на феномен самообвинения и вторичной виктимизации пострадавших (Logan, Landhuis, 2023; **Темирханова**, Крюкова, 2025).

Вместе с тем в отдельных случаях встречались амбивалентные либо позитивные чувства. Некоторые участницы указывали, что внимание со стороны преследователя на определенном этапе воспринималось как льстящее самолюбию (11,8%), вызывало интерес (6%) или безразличие (7,8%) к происходящему. Наличие подобных реакций может свидетельствовать о сложности субъективной интерпретации преследования, особенно на ранних стадиях, и дополнительно затруднять восприятие происходящего как насильственного опыта.

Оценка когнитивного отклика на переживание опыта stalking

Анализ когнитивного отклика показал, что в процессе переживания преследования участницы чаще всего были сосредоточены на поиске объяснений происходящему и возможных способов защиты. В их мыслях доминировали вопросы, связанные с мотивами преследователя (72,4%), прогнозированием дальнейшего развития ситуации и возможными предстоящими угрозами (49,5%), доступными источниками поддержки (66%).

Наряду с этим присутствовали мысли, отражающие утрату контроля и неопределенность, включая ожидание бесконечности происходящего (41,7%), сомнение в собственной адекватности (22,3%) и переживание социальной изоляции (15%). Подобный ход рассуждений указывает на состояние высокого когнитивного напряжения, которое может существенно снижать качество жизни и негативно влиять на психологическое здоровье жертв.

Оценка поведения, направленного на преодоление stalking

Наиболее распространенным способом реагирования на stalking было обращение за социальной поддержкой (61%). Значительно меньше исследуемых прибегли к профессиональной помощи (21%) или к содействию правоохранительных органов (14%), что может указывать на низкую степень доверия к официальным структурам и на недостаточную осведомленность о доступных ресурсах поддержки.

В значительном числе случаев использовались стратегии избегания, включая изменение контактных данных (27%), переезд на новое место жительства (20%) и смену места работы (14%), что свидетельствует о существенном влиянии преследования на повседневную жизнь.

Оценка социально-демографических сведений о преследователе

В большинстве случаев участницы указывали, что преследователями были мужчины (89%, $N = 91$). Женщин, совершающих stalking, значительно меньше – 8,8% ($N = 9$).

В подавляющем большинстве stalking совершали близкие (51%) и знакомые (40%) жертвам люди и в 9% случаев – незнакомцы. Это согласуется с данными других исследований о том, что stalking чаще проявляется в контексте ранее существовавших отношений (Зипельмайер, 2020; Storey et al., 2023). Известно, что преследование со стороны экс-партнеров ассоциируется с большей длительностью и интенсивностью преследования, а также с более высоким риском эскалации насилия (White et al., 2020).

Оценка самоидентификации участников в качестве жертвы stalking

Среди участниц, сообщивших об опыте stalking, 71,6% ($N = 73$) идентифицируют себя как жертву, тогда как 28,4% ($N = 29$) не считают себя таковыми. Полученный результат может отражать объективную картину, но, кроме того, отрицание «роли жертвы» может быть обусловлено особенностями индивидуального восприятия происходящего, стремлением избежать признания собственной уязвимости, влиянием социальной стигматизации, а также недостаточной информированностью об особенностях и признаках stalking как формы межличностного насилия.

Оценка соответствия критериям отнесения к жертве stalking

Согласно полученным результатам, 75,5% ($N = 77$) участниц соответствовали критериям отнесения к жертвам stalking,

принятым в настоящем исследовании, то есть, сообщали о наличии любого сочетания из 15 типов преследовательского поведения, повторяющегося не менее 10 раз в течение, как минимум, двух недель. Это позволяет формально классифицировать их опыт как stalking. Данные факты указывают на высокую распространенность и выраженность феномена в исследуемой выборке.

В то же время был выявлен существенный разрыв между объективной идентификацией и субъективной самоидентификацией участниц. Так, 44% ($N = 11$) респондентов, воспринимающих себя жертвами stalking, не соответствовали формальным критериям, принятым в исследовании. Напротив, 19,5% ($N = 15$) участниц, чей опыт по объективным показателям отвечал критериям stalking, не считают себя жертвами. Полученные данные свидетельствуют о том, что поведение, формально соответствующее критериям навязчивого преследования, может не переживаться как насилие, тогда как субъективное ощущение угрозы и уязвимости может возникать и при отсутствии достаточной повторяемости или интенсивности вторжений. Таким образом, расхождение между объективными и субъективными показателями отражает не только особенности когнитивной оценки угрозы, но и более широкий комплекс психологических механизмов. В частности, для группы («ложноположительные» случаи) субъективная оценка ситуации достигает порога опасности, что может быть связано с эмоциональной чувствительностью к вторжению в личные границы, предшествующим травматическим опытом, а также с повышенной тревожностью и другими особенностями. Напротив, в группе («ложноотрицательные» случаи) участники могут снижать значимость угрозы за счет психологических механизмов (отрицание, рационализация), процессов нормализации преследовательского поведения, а также социокультурных представлений, допускающих интерпретацию контроля и настойчивости как социально приемлемых форм взаимодействия. Результаты эмпирических исследований находят этому подтверждение: показано, что многие пострадавшие от stalking избегают обращаться за помощью из-за стыда, смущения или сомнений в серьезности происходящего, а также из-за опасений негативной социальной реакции (Suzuki, 2024).

В совокупности, результаты исследования подтверждают, что stalking как форма агрессии определяется не только поведенческими характеристиками преследователя, но и сложным комплексом субъективных переживаний, интерпретаций и защитных стратегий со стороны жертвы. Особое значение приобретает личностная и

социальная рамка осмысления происходящего. Эмоциональные реакции, невозможность или нежелание признать себя жертвой могут оказывать существенное влияние на поведение пострадавших и отчасти объяснять, почему многие случаи преследования остаются нераспознанными. Мимикрия stalking под социально приемлемое поведение усугубляет положение жертв, снижает вероятность своевременного обращения за помощью и повышает риск ретификации травматического опыта.

Несмотря на значимость полученных данных, отметим ряд ограничений настоящего исследования. Так, размер и гомогенность выборки ограничивают возможность распространения полученных данных на более широкую популяцию лиц, переживших stalking в российском обществе. Использование онлайн анкеты и метода самоотчета обуславливает зависимость данных от субъективной интерпретации опыта участниками, несмотря на применение формализованных поведенческих критериев идентификации stalking.

Перспективы дальнейших исследований связаны с привлечением качественных методов, а также изучением совладающего поведения жертв.

Заключение

Проведенное исследование позволило описать ключевые аспекты индивидуального опыта женщин, подвергшихся навязчивому преследованию (stalking), а также сформировать комплексное представление о субъективных и объективных характеристиках этого явления. Показано, что stalking в исследуемой выборке преимущественно проявляется через повторяющиеся формы психологического давления (навязчивые попытки контакта, принуждение к общению, слежка), а при наличии случаев физического и сексуализированного насилия указывает на риск усугубления преследовательского поведения и необходимость раннего распознавания угроз.

Выявлено расхождение между субъективной оценкой пережитого опыта stalking и формальной классификацией участниц по принятым в исследовании критериям. Данный факт отражает феноменологическую сложность навязчивого преследования и свидетельствует об ограниченности диагностики, основанной исключительно на поведенческих показателях, без учета субъективно переживаемой угрозы и личностной уязвимости.

Приведенные результаты позволяют предположить, что субъективные эмоциональные реакции, социальная стигматизация роли жертвы, а также устойчивые гендерные стереотипы и представления о неравенстве в отношениях, которые нормализуют контролирующее и навязчивое поведение, могут оказывать значительное влияние на осознание пострадавшими серьезности ситуации и на их готовность обратиться за помощью. Преобладание же преследования со стороны близких лиц способно усложнить распознавание stalking, так как в данном случае поведение преследователей может восприниматься жертвами как социально допустимое.

Таким образом, полученные данные указывают на необходимость комплексного подхода к диагностике stalking, а также разработки программ психологической поддержки и просвещения, направленных на информирование общества о признаках и последствиях stalking, на снижение социальной стигматизации жертв и стимулирование своевременного обращения за помощью.

Литература

- Зипельмайер, О. Психосоциальное и психотерапевтическое консультирование женщин, пострадавших от stalking // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2020. № 19. С. 30–39.
- Темирханова, О.В., Крюкова, Т.А. Совладающее поведение жертв навязчивого преследования (stalking) // Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы X Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (14–15 мая 2025 г.). М.: Издательство МГППУ, 2025. С. 561–564.
- Almendros, C., Gámez-Guadix, M., Carrobbles, J.A. et al. Intimate partner psychological abuse: Concept, measurement, and recent contributions // *Behavioral Psychology*. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 433–451.
- Chan, H.C.O., Sheridan, L., Adjorlolo, S. Stalking and intrusive behaviors in Ghana: Perceptions and victimization experiences // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No. 7. P. 2298. <https://doi.org/10.3390/ijerph17072298>
- Cinquegrana, V., Marini, M., Galdi, S. Psychological abuse is not a problem! Exploring the role of domestic violence myths in psychological revictimization // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1228822>
- Dokkedahl, S.B., Kirubakaran, R., Bech-Hansen, D. et al. The psychological subtype of intimate partner violence and its effect on mental health: A systematic review with meta-analyses // *Systematic Reviews*. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 163. <https://doi.org/10.1186/s13643-022-02025-z>

- Gamache, D., Savard, C., Faucher, J., Cloutier, M.È. Development and validation of the Stalking and Obsessive Relational Intrusions Questionnaire (SORI-Q) // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. No. 21–22. P. NP19420–NP19446. <https://doi.org/10.1177/08862605211042808>
- Huang, D., Liu, D., Wan, X. et al. A bibliometric and knowledge-map analysis of psychological violence from 2003 to 2022 // *Heliyon*. 2024. Vol. 10. No. 18. P. e37675. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e37675>
- Janickyj, M., Blom, N., Tanczer, L.M. Online and offline stalking victimisation in the Crime Survey for England and Wales: Its predictors and victim/survivors' views on criminalisation // *The British Journal of Criminology*. 2025. Vol. 66. No. 5. P. 916–939 <https://doi.org/10.1093/bjc/azaf064>
- Kraaij, V., Arensman, E., Garnefski, N., Kremers, I. The role of cognitive coping in female victims of stalking // *Journal of Interpersonal Violence*. 2007. Vol. 22. No. 12. P. 1603–1612. <https://doi.org/10.1177/0886260507306499>
- Logan, T., Landhuis, J. “Everyone saw me differently like it was my fault or I wanted it”: Acquaintance stalking victim experiences of sexual assault, sexual harassment, and sexual autonomy // *Journal of Interpersonal Violence*. 2023. Vol. 38. No. 13–14. P. 8187–8210. <https://doi.org/10.1177/08862605231153892>
- Parkhill, A.J., Nixon, M., McEwan, T.E. A critical analysis of stalking theory and implications for research and practice // *Behavioral Sciences & the Law*. 2022. Vol. 40. No. 5. P. 562–583. <https://doi.org/10.1002/bsl.2598>
- Pathé, M.T., Mullen, P.E., Purcell, R. Same gender stalking // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2000. Vol. 28. P. 191–197.
- Pérez-Díaz, L., Blázquez-Alonso, M., Moreno-Manso, J.M. Development and validation of the Questionnaire on Psychological Violence in Intimate Partner Relationships (CVPPar) // *Behavioral Psychology*. 2025. Vol. 33. No. 1. <https://doi.org/10.31083/BP42769>
- Purcell, R., Pathé, M., Mullen, P. Editorial: When do repeated intrusions become stalking? // *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2004. Vol. 15. No. 4. P. 571–583.
- Sheridan, L., Davies, G.M., Boon, J.C.W. Stalking: Perceptions and prevalence // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol. 16. No. 2. P. 151–167. <https://doi.org/10.1177/088626001016002004>
- Sheridan, L., Scott, A.J., Roberts, K. Young women's experiences of intrusive behavior in 12 countries // *Aggressive Behavior*. 2016. Vol. 42. P. 41–53. <https://doi.org/10.1002/ab.21604>
- Spitzberg, B., Cupach, W. The state of the art of stalking: Taking stock of the emerging literature // *Aggression and Violent Behavior*. 2007. Vol. 12. No. 1. P. 64–86. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2006.05.001>
- Storey, J.E., Pina, A., Williams, C.S. The impact of stalking and its predictors: Characterizing the needs of stalking victims // *Journal of Interpersonal*

- Violence. 2023. Vol. 38. No. 21–22. P. 11569–11594. <https://doi.org/10.1177/08862605231185303>
- Suzuki, T. A survey on the reasons why victims of stalking did not exhibit help-seeking behavior: A text-mining analysis // BMC Psychology. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 515. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02035-7>
- Verrocchio, M.C. Il maltrattamento psicologico: caratteristiche e conseguenze // Maltrattamento e abuso all'infanzia. 2014. No. 1. P. 11–35. DOI: 10.3280/MAL2014-001002
- White, E., Longpré, N., Stefanska, E.B. Stalking behaviors presented by ex-intimate stalkers: A victim's perspective // Journal of Interpersonal Violence. 2020. <https://doi.org/10.1177/0886260520934429>

Информация об авторе

Ольга В. Темирханова, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 121170, Россия, Москва, Кутузовский пр., д. 34, стр. 14; <https://orcid.org/0009-0004-4742-8781>; 5052065@gmail.com

Temirkhanova O.V.

Subjective Experience and Behavioral Criteria for the Identification of Stalking

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Stalking is regarded as a form of psychological violence; however, empirical research in Russian psychology remains limited in its simultaneous consideration of victims' subjective experiences and objective criteria for identifying stalking behaviors. The absence of such integration complicates the diagnosis of stalking, its recognition by victims themselves, and the development of effective psychological support interventions.

Aim. The study aimed to examine women's experiences of stalking, taking into account both subjective evaluations of the experienced events and objective behavioral criteria of stalking.

Methods. An empirical study was conducted in 2024. The sample comprised 102 women residing in Russia who reported experiences of stalking. Data were collected using an author-developed questionnaire based on the behavioral approach to the empirical specification of stalking widely applied in international research. The instrument included formal criteria for identifying stalking as well as sections designed to assess participants' emotional, cognitive, and behavioral responses.

Results. The findings revealed a high prevalence of stalking-related behavioral patterns, including persistent attempts at contact, coercion into communication, and physical surveillance. A significant discrepancy was identified between partic-

ipants' subjective evaluations of their own experiences and their classification as stalking victims according to objective criteria. Emotional responses were predominantly negative and were accompanied by high levels of cognitive strain, uncertainty, and efforts to seek protective strategies. Behavioral responses ranged from seeking social support to changes in everyday routines.

Conclusions. The results highlight the phenomenological complexity of perceiving and interpreting stalking experiences and indicate the need for a comprehensive approach to assessment and support for victims, integrating both objective behavioral indicators of violence and subjective mechanisms of perception and interpretation.

Key words: stalking, psychological violence, emotional abuse, interpersonal relationships, perception of stalking, cognitive appraisal of threat, experience of stalking

For citation: Temirkhanova, O.V. (2026). Subjective experience and behavioral criteria for the identification of stalking. *New Psychological Research*, No. 3, 248–265. DOI: 10.51217/npsyresearch_2026_06_03_13

References

- Almendros, C., Gámez-Guadix, M., Carrobbles, J.A., Rodríguez-Carballeira, Á., Porrúa, C. (2009). Intimate partner psychological abuse: Concept, measurement, and recent contributions. *Behavioral Psychology*, 17(3), 433–451.
- Chan, H.C.O., Sheridan, L., Adjorlolo, S. (2020). Stalking and intrusive behaviors in Ghana: Perceptions and victimization experiences. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(7), 2298. <https://doi.org/10.3390/ijerph17072298>
- Cinquegrana, V., Marini, M., Galdi, S. (2023). Psychological abuse is not a problem! Exploring the role of domestic violence myths in psychological revictimization. *Frontiers in Psychology*, 14, 1228822. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1228822>
- Dokkedahl, S.B., Kirubakaran, R., Bech-Hansen, D., Kristensen, T.R., Elklit, A. (2022). The psychological subtype of intimate partner violence and its effect on mental health: A systematic review with meta-analyses. *Systematic Reviews*, 11(1), 163. <https://doi.org/10.1186/s13643-022-02025-z>
- Gamache, D., Savard, C., Faucher, J., Cloutier, M.È. (2022). Development and validation of the Stalking and Obsessive Relational Intrusions Questionnaire (SORI-Q). *Journal of Interpersonal Violence*, 37(21–22), NP19420–NP19446. <https://doi.org/10.1177/08862605211042808>
- Huang, D., Liu, D., Wan, X., Zou, K., Gong, X. (2024). A bibliometric and knowledge-map analysis of psychological violence from 2003 to 2022. *Heliyon*, 10(18), e37675 <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e37675>
- Janickyj, M., Blom, N., Tanczer, L.M. (2025). Online and offline stalking victimisation in the Crime Survey for England and Wales: Its predictors and

- victim/survivors' views on criminalization. *The British Journal of Criminology*, 66(5), 916–939. <https://doi.org/10.1093/bjc/azaf064>
- Kraaij, V., Arensman, E., Garnefski, N., Kremers, I. (2007). The role of cognitive coping in female victims of stalking. *Journal of Interpersonal Violence*, 22(12), 1603–1612. <https://doi.org/10.1177/0886260507306499>
- Logan, T., Landhuis, J. (2023). “Everyone saw me differently like it was my fault or I wanted it”: Acquaintance stalking victim experiences of sexual assault, sexual harassment, and sexual autonomy. *Journal of Interpersonal Violence*, 38(13–14), 8187–8210. <https://doi.org/10.1177/08862605231153892>
- Parkhill, A.J., Nixon, M., McEwan, T.E. (2022). A critical analysis of stalking theory and implications for research and practice. *Behavioral Sciences & the Law*, 40(5), 562–583. <https://doi.org/10.1002/bsl.2598>
- Pathé, M.T., Mullen, P.E., Purcell, R. (2000). Same-gender stalking. *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 28(2), 191–197.
- Pérez-Díaz, L., Blázquez-Alonso, M., Moreno-Manso, J.M. (2025). Development and validation of the Questionnaire on Psychological Violence in Intimate Partner Relationships (CVPPar). *Behavioral Psychology*, 33(1), 42769. <https://doi.org/10.31083/BP42769>
- Purcell, R., Pathé, M., Mullen, P. (2004). Editorial: When do repeated intrusions become stalking? *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 15(4), 571–583. <https://doi.org/10.1080/14789940412331313368>
- Sheridan, L., Davies, G.M., Boon, J.C.W. (2001). Stalking: Perceptions and prevalence. *Journal of Interpersonal Violence*, 16(2), 151–167. <https://doi.org/10.1177/088626001016002004>
- Sheridan, L., Scott, A.J., Roberts, K. (2015). Young women's experiences of intrusive behavior in 12 countries. *Aggressive Behavior*, 42(1), 41–53. <https://doi.org/10.1002/ab.21604>
- Spitzberg, B., Cupach, W. (2007). The state of the art of stalking: Taking stock of the emerging literature. *Aggression and Violent Behavior*, 12(1), 64–86. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2006.05.001>
- Storey, J.E., Pina, A., Williams, C.S. (2023). The impact of stalking and its predictors: Characterizing the needs of stalking victims. *Journal of Interpersonal Violence*, 38(21–22), 11569–11594. <https://doi.org/10.1177/08862605231185303>
- Suzuki, T. (2024). A survey on the reasons why victims of stalking did not exhibit help-seeking behavior: A text-mining analysis. *BMC Psychology*, 12(1), 515. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02035-7>
- Темирханова, О.В., Kryukova, T.L. (2025). Coping behavior of victims of stalking. In *Social Psychology: Issues of Theory and Practice. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference in Memory of M.Yu. Kondratyev “Social Psychology: Issues of Theory and Practice” (May 14–15, 2025)* (pp. 561–564). Moscow: Izdatel'stvo MGPPU.

- Verrocchio, M.C. (2014). Il maltrattamento psicologico: caratteristiche e conseguenze. *Maltrattamento e abuso all'infanzia*, 1, 11–35. <https://doi.org/10.3280/MAL2014-001002>
- White, E., Longpré, N., Stefanska, E.B. (2020). Stalking behaviors presented by ex-intimate stalkers: A victim's perspective. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(7–8), NP5074–NP5093. <https://doi.org/10.1177/0886260520934429>
- Zipelmeyer, O. (2020). Psychosocial and psychotherapeutic counseling of women affected by stalking. *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: nauchno-metodicheskii sbornik*, 19, 30–39.

Information about the author

Olga V. Temirkhanova, PhD Student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 34–14, Kutuzovsky Ave., Moscow, Russia, 121170; <https://orcid.org/0009-0004-4742-8781>; 5052065@gmail.com